

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

Ф. В. Кубасов

Дзэн-буддизм и власть в Японии периода Муромати (1336–1477)

Статья посвящена взаимоотношениям Мусо Сосэки (1275–1351), выдающегося дзэн-буддийского проповедника начала периода Муромати (1336–1477), с сёгуном Асикага Такаудзи (1305–1358), Асикага Тадаёси (1306–1352), братом сёгуна и императором Го-Дайго (1288–1339). Предпринята попытка проанализировать оценку, данную этим буддийским иерархом сёгуну Такаудзи и помещённую в историко-политическом трактате «Байсёрон» («Сказание о сливе и сосне»). Перевод соответствующего фрагмента из этого источника позволяет проследить, насколько конфуцианизирована была политическая мысль дзэнских монахов. Фрагмент из «Байсёрон» сопоставляется с фрагментом из «Речений Мусо» («Мусо-кокуси гороку»), где тот размышляет о причинах вражды между Такаудзи и Го-Дайго. Тот факт, что дзэн обязан своим распространением покровительству власть имущих, хорошо известен, и приведённый фрагмент из «Байсёрон» служит весьма характерной иллюстрацией этого.

Ключевые слова: буддизм, дзэн, дзэн и политическая власть в период Муромати, Мусо Сосэки.

В популярных книгах о Японии утвердился тезис о том, что проникший в эту страну в конце XII в. дзэн-буддизм получил широкое распространение от того, что уж очень по сердцу пришёлся воинскому сословию благодаря своей нацеленности на аскетические и медитативные практики и отходу от опоры на письменную традицию. Возможно, в этом и есть немалая доля правды. Однако в гораздо большей степени дзэн обязан своим распространением тому, что его проповедники стремились (и не без успеха) приблизиться к кормилу власти¹. В качестве примера взаимодействия дзэнского духовенства с властью можно рассмотреть отношения

¹ Здесь необходимо сразу же сделать важную оговорку: в данной статье мы будем говорить практически исключительно о дзэн-буддизме школы риндзай 臨在. Прочие школы, такие как Нихон-Дарума-сю 日本達磨宗 и Сото 曹洞, занимавшие в отношении властей довольно жёсткую и бескомпромиссную позицию, остались за пределами нашего рассмотрения. Характерно, что в основных исторических сочинениях периодов Камакура и Муромати под «учением дзэн» понимается преимущественно учение школы риндзай. В качестве примера можно привести посвящённый появлению в Японии буддизма фрагмент из «Дзинно сётоки» («Записки о законном наследовании правления божественных императоров»), переведённый на русский язык А.М. Кабановым, где о школах Сото и Нихон-Дарума-сю нет ни слова. См.: Буддизм в Японии, 1993, с. 650–651.

Мусо Сосэки, видного буддийского иерарха и проповедника конца периода Камакура (1192—1333) и начала периода Муромати (1336—1477), с крупнейшими представителями властной элиты того времени.

Но для начала скажем несколько слов об особенностях государственной власти в Японии рассматриваемого периода. Ко времени проникновения дзэн (кит. *чань*) в Японию императоры (яп. *тэнно* 天皇) давно уже были отстранены от непосредственного государственного управления, которое перешло в руки военных правителей (яп. *сёгун* 將軍). Первое военное правительство было основано в 1192 г. знатным воином по имени Минамото Ёритомо 源頼朝 (1147—1199). Именно он начал трактовать статус сёгуна не как должность, наделяющую своего обладателя исключительными полномочиями, а как наследственный титул военного правителя. В городке Камакура на востоке страны он основал военное правительство (*бакуфу* 幕府, в русскоязычной и западной литературе его нередко именуют *сёгунатом*). Впрочем, уже прямые наследники Ёритомо оказались правителями довольно несамостоятельными и находились под влиянием представителей рода Ходзё. Вскоре Ходзё заняли при сёгунах должность *сиккэн* 執権 («державших власть»). Сёгуны же стали, наряду с императорами, номинальными правителями.

Формально целью военного правительства оставалось служение императору и его защита. Так продолжалось до воцарения императора Го-Дайго, который собрал вокруг себя людей, недовольных режимом Ходзё, и в 1333 г. сверг бакуфу, снова введя прямое императорское правление. Го-Дайго крайне слабо учитывал интересы самураев, поддержавших императора в его борьбе. И они, не получив награды, принялись искать лидера. Таковым явился Асикага Такаудзи 足利尊氏 (1305—1358), крупный феодал, поддержка со стороны которого в своё время и стала основным фактором, позволившим Го-Дайго свергнуть бакуфу. В 1116 г. Такаудзи поставил в столице Киото подконтрольного себе императора (одного из родственников Го-Дайго), провозгласил себя сёгуном. Го-Дайго создал альтернативный императорский двор в горном районе Ёсино, к югу от столицы. В стране началось время двоевластия, известное в японской историографии как «период Намбоку-тё» 南北朝 («Период Северной и Южной династий», 1336—1392). Его полностью покрывал период правления сёгунов из рода Асикага, чья ставка находилась в районе Муромати (室町), в Киото. Потому этот период и называют периодом Муромати (1336—1477).

Уже Эйсай (1141—1215), впервые начавший распространять дзэн на островах в 1191 г., весьма преуспел в деле сближения с властью имущими, стараясь найти покровительство и у императорского двора в Киото, и у феодального режима Камакура (Кабанов, 1987, с. 188). Однако получить по-настоящему серьёзную поддержку правительства и, следовательно, широко распространиться по всей стране² этому учению предстояло в период Муромати. Дзэн стал официальной

² К началу XV в. в различных дзэнских монастырях подвизалось свыше 45 тыс. монахов.

идеологией сёгунов из фамилии Асикага. По мнению ряда исследователей, его можно даже назвать государственной религией этого периода³. Тесные контакты с властью и сопутствующая им бюрократизация были, по мнению А.М. Кабанова, «закономерным завершением процессов, происходивших с чань в Китае» (Там же, с. 181).

Дзэнские монахи, будучи образованным сословием, помимо духовной деятельности держали в своих руках такие сферы, как дипломатия и торговля с Китаем. Именно им поручалось доставлять сёгунские послания к минскому двору. Рейсы торговых судов также нередко организовывались от имени какого-нибудь крупного храма. Первый такой рейс был инициирован храмом Тэнрюдзи 天龍寺 в 1342 г. Привезённые из Китая сокровища должны были пойти на строительство храма и, после того, как торговый поход с лихвой окупился, другие храмы поспешили перенять это новшество. Уже к 1451 г. образовался торговый флот, насчитывавший 10 кораблей. Некоторые из них носили имена святых и храмов — «Тэнрюдзи», «Сёфукудзи», «Хасэ-дэра» (Сэнсом, 1999, с. 372).

Широкое распространение дзэн-будизма, а также рост численности и активности монахов на разнообразных мирских поприщах были связаны в значительной степени с деятельностью буддийского иерарха по имени Мусо Сосэки (夢窓疎石, 1275–1351). Его личность оценивается исследователями весьма неоднозначно. Так, Дж.Б. Сэнсом считает Сосэки «гениальным теологом». Нагата Хироси относит его к тем деятелям, которые, хотя и пользовались уважением, ничего оригинального и нового не создали (Нагата, 1991, с. 43). С. Тёрнбулл называет его «очень интересным человеком», обеспечившим слияние дзэн с эзотерическим буддизмом (Тёрнбулл, 2010, с. 139). В юности Мусо Сосэки изучал буддизм «эзотерических» школ тэндай и сингон, интерес к чему сохранил на протяжении всей жизни. Учение дзэн он воспринял от китайского монаха по имени Ишань Инин (яп. Итидзан Итинэй 一山一寧, 1247–1318) и долгое время вёл жизнь отшельника.

В 1325 г. император Го-Дайго возвысил Мусо Сосэки, пригласив его в Киото и сделав настоятелем крупнейшего столичного храма Нандзэндзи. Позже, когда Асикага Такаудзи предал дело императора Го-Дайго и объявил себя сёгуном, Мусо перешел на сторону Асикага и сделался одним из его ближайших доверенных лиц. Именно по инициативе Мусо в 1337 г. сёгунское правительство решило создать в каждой провинции дзэнскую обитель (так называемые «храмы спокойствия страны», яп. *анкокудзи* 安国寺) и пагоду, чтобы молиться о Просветлении всех без исключения воинов, погибших в борьбе между северной и южной династиями (Кабанов, 1987, с. 189). Прообразом таких святых и храмов считаются государственные храмы (*кокубундзи* 国分寺), существовавшие в Японии в период Нара 奈良 (710–784). Разумеется, эти дзэнские храмы стали для сёгунского правительства своеобразными опорными пунктами.

³ См. в частности: Сэнсом, 1999, с. 383.

Согласно «Байсёрон», эту идею, по предложению Мусо, взялся осуществлять Асикага Тадаёси 足利直義 (1306–1352), младший брат сёгуна, в чьих руках на тот момент была сосредоточена политическая и экономическая власть. Если Такаудзи не слишком интересовался ни учением дзэн, ни привнесённым дзэнскими монахами в Японию неоконфуцианством, то его младший брат, напротив, был явным синофилом. Именно Тадаёси стал ближайшим последователем Мусо. Произведение Мусо «Беседы во сне» («Мутю мондо» 夢中間答) написано, как полагают, специально для Тадаёси.

Именно Мусо предложил Такаудзи построить храм Тэнрюдзи с целью вознесения молитв о Просветлении скончавшегося в 1339 г. Го-Дайго. Такаудзи согласился с этим предложением, несмотря на негодование монахов школы тэндай, конкурировавшей с дзэн (там же, с. 190). По некоторым сведениям, сёгун лично участвовал в работах по возведению храма.

С идеологической точки зрения буддизм был наиболее удобным учением для обоснования сёгунами своего права на власть, поскольку согласно буддийским представлениям даже идеальный царь-чакравартин не может по своим достоинствам стать вровень с Буддой. А это в свою очередь означало, что та мистическая сила, которой наделял императора синтоизм, буддийской картиной мира практически полностью «обнуляется». Но если старые буддийские школы, проникшие в Японию в период Нара и Хэйан (794–1192), были тесно связаны с императорским двором и нередко оказывали экономическую и даже военную помощь Южному двору, то дзэн как новое учение легитимировал сёгунскую идеологию как нельзя лучше.

Таким образом, бакуфу искало в дзэн, кроме всего прочего, альтернативу милитаризовавшимся старым школам японского буддизма, прежде всего школам тэндай и сингон (там же, с. 186). Это связано также с тем, что вместе с дзэн в Японию проникали и новейшие идеи китайской культуры, в том числе сунское конфуцианство, где достаточно детально были разработаны приёмы политической полемики, в том числе и представления об императоре и гегемоне (кит. *баван* 霸王).

Одним из наиболее характерных примеров превращения дзэнских иерархов в апологетов сёгунского правления можно считать оценку, данную Мусо Сосэки сёгуну Асикага Такаудзи, помещённую в историко-политическом трактате «Байсёрон». Название «Байсёрон», которое мы переводим как «рассуждение о сливе и сосне» (слово «рон» 論, впрочем, может означать и «спор»), связано с метафорой, присутствующей в самом тексте: «слава сёгуна расцветает подобно сливе, а долголетие его потомков подобно сосне». Известен также афоризм «когда слива и сосна состарятся, то лишь подует ветер в соснах, как цветы сливы распустятся и заблагоухают», подразумевающие метафорический диалог. Основываясь на них, возможно интерпретировать название памятника и как «Беседа сливы и сосны».

Текст состоит из двух свитков. Составлен он, как принято считать, в 1349 г. (5-й год Дзэва 貞和) анонимным автором. По предположениям учёных, это мог быть кто-либо из окружения Асикага Такаудзи или приближенный к дому Хосокава 細川. Но не менее вероятно, что трактат составлен монахом из окружения Мусо Сосэки. Текст выстроен в жанре исторических повествований *Кагами-моно 鏡物* («Зерцал»). По существу он написан в форме «беседы до рассвета» (*цуя-моногатари 通夜物語*) между собравшимися для ночного бдения в храме Китано-дзингудзи.

Памятник описывает политическую обстановку времён конца периода Камакура, смуту годов Сёкю (1221), падение камакурского сёгуната, реставрацию Кэмму (1334–1336), борьбу за власть между родами Нитта 新田 и Асикага 足利, основание сёгуната Муромати братьями Асикага Такаудзи и Тадаёси. В частности, во втором свитке подробно описаны сражения Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–1336), выдающегося полководца той эпохи, сосредоточение всей полноты власти в руках Асикага Такаудзи и приведена оценка этого деятеля с позиций Мусо Сосэки. Именно эта оценка (которую, думается, было бы более уместно назвать панегириком) и интересна в свете нашей темы. Приведем выполненный нами перевод данного фрагмента.

Как-то раз наставник народа Мусо в разговоре похвалил достоинства обоих полководцев [Такаудзи и Тадаёси], разобрав их, [эти достоинства], по пунктам. И сначала он повёл речь о сёгуне.

То, что цари и министры рождаются правителями мужей, — это не примета нашего времени, а добрая традиция, уходящая корнями глубоко в прошлое. В особенности же сёгун, в чьи обязанности входит помогать правителю и усмирять бунтовщиков, не может быть заурядным человеком. О том, что было в чужих странах, я знаю только лишь понаслышке. А в нашей стране Тамура⁴, Тосихито⁵, Ёримичу⁶ и Ясумаса⁷, хотя и усмиряли мятежников, но не распро-

⁴ Саканоуэ-но Тамурамаро 坂上田村麻呂 (758–811). В 794 г. проявил доблесть в войнах с северными варварами (эдзо), одним из первых получил звание «Великий полководец, покоритель варваров» (сэйи-тайсёгун 征夷大將軍), позднее сократившееся до «сёгун».

⁵ Фудзивара Тосихито 藤原利仁 (годы жизни неизвестны) — полководец середины периода Хэйан. В 919 г. был назначен главнокомандующим войсками по усмирению племени эмиси (предков айнов).

⁶ Минамото Ёримичу (Райко) 源頼光 (948–1021) — легендарный самурай периода Хэйан, прославленный как победитель демона Сютэн-додзи.

⁷ Фудзивара Ясумаса 藤原保昌 (958–1036) — придворный и поэт периода Хэйан; также известен воинским мастерством. Своим появлением в этом списке Ясумаса, видимо, обязан следующему эпизоду из позднего хэйанского сборника рассказов «Кондзяку моногатари-сю» 今昔物語集 («Собрание старых и новых повестей»): прогуливаясь однажды ночью, он был подкараулен дерзостным разбойником Хакамадарэ («Вислобрюхий»), который, однако, почувствовав свойственный Ясумаса боевой дух, так и не осмелился напасть на храбреца.

страняли своё могущество на всю страну, [то есть не пытались основать собственную династию].

Начиная с годов Тисё (1177–1181), начальник правой ближней императорской стражи его светлость [Минамото] Ёритомо, совмещавший эту должность с постом Великого полководца — усмирителя варваров (сэйи-тайсёгун), сам сделал управление военными домами своим основным делом. И хотя он, награждая и наказывая, не был пристрастен, но наказания его были так суровы, что видно, насколько ему порой недоставало человечности. Поскольку нынешний Великий полководец — усмиритель варваров Такаудзи обладает также добродетелью человечности, он, таким образом, обладает большей добродетелью.

Во-первых, когда во время битвы то и дело наставала пора, укрепившись сердцем, рискнуть своей жизнью, он всегда с улыбкой шёл на это без малейшего намёка на страх.

Во-вторых, обладая сострадательной натурой, он ни к кому не относился с ненавистью и многих заклятых врагов прощал с таким великодушием, будто бы те были его родными детьми.

В-третьих же, его широкому сердцу ничуть не введома скупость. К золоту, серебру, землям и рису он относился одинаково беспристрастно, и всё, кроме оружия и коней, раздавал людям, никак не соизмеряя собственные средства с числом людей, отдавая столько, сколько помещалось в руку.

Вот и в первый день восьмой луны, хотя подарков для народа было собрано без счёта, он раздавал их столь щедро, что к вечеру, как я слышал, ничего не осталось.

«Едва ли когда-либо впредь явится сёгун, в равной степени наделённый всеми тремя этими добродетелями», — так говорил учитель народа во всех своих беседах.

Таким образом, Мусо, цитируемый автором трактата, старается приписать сёгуну обладание тремя добродетелями: храбростью, состраданием и щедростью. Отметим, что это не специфически дзэнские, а общепобуддийские добродетели, характеризующие бодхисаттву (существо, [стремящееся] к Просветлению) — мирского духовного лидера, способного вести людей против течения мутного потока безнравственности. Храбрость сёгуна — это запредельная добродетель непривязанности к индивидуальному существованию, свойственная бодхисаттве. Сострадание — сущность деятельности бодхисаттвы, безразличного к собственным невзгодам и запредельно сопереживающего невзгодам всех живых существ. Щедрость сёгуна также представлена в характерном для бодхисаттвы запредельном выражении — отдать все, ничего не оставляя для себя.

Однако язык фрагмента, его понятийный аппарат представляется не столько буддийским, сколько конфуцианским — рассуждения о добродетели (яп. току

徳), человечности (яп. *нин* 仁) и т.д. Дзэнские монахи, напомним, были также и первыми распространителями неоконфуцианства в Японии⁸, и наличие в их интеллектуальном багаже конфуцианских политических идей не способствовало появлению какой-либо собственно дзэнской концепции власти.

Надо заметить, что приведенный фрагмент — не единственная дошедшая до наших дней оценка деятельности Такаудзи, данная Мусо. Так, в «Записях речений учителя народа Мусо» («Мусо-кокуси гороку») сохранились «Размышления о вражде императора Го-Дайго и сёгуна Асикага Такаудзи». Там он размышляет о причине посвящения храма покойному Го-Дайго и приходит к мысли, что тот был ослеплён «тремя ядами» и завидовал власти Такаудзи. В рассуждениях Мусо обращает на себя внимание тот факт, что идея священного статуса императора не значит для него ничего, и императорская власть представляется ему сугубо человеческой реальностью⁹.

Отличившись при свержении Ходзё больше других, Такаудзи был, по словам Мусо, более других награждён, и это изменило отношение к нему окружающих — он оказался оклеветанным перед императором. Правление Го-дайго вначале не уступало по мудрости правлению государей древности, и именно поэтому император сумел вернуть себе власть. Но плохо даже не то, что такое многообещающее начало ничем не увенчалось, а то, что во время войны императора с сёгуном погибло и пострадало множество людей. В этих рассуждениях Мусо также заметен сугубо прагматический взгляд на императора.

По сравнению с преимущественно конфуцианской риторикой «Байсёрон» в «Речениях...» присутствует гораздо больше буддийских мотивов. Приведённый в «Речениях...» фрагмент начинается с тезиса, что вражда, проникшая в сердце Го-Дайго, иллюзорна, как, впрочем, и дружелюбие. Далее Мусо говорит о превосходстве Будды над мирскими правителями. Это различие между преимущественно конфуцианскими размышлениями в «Байсёрон» и значительно более буддийскими — в «Речениях...» позволяет сделать предположение о большей достоверности «Речений...», составители которых целенаправленно стремились к строгой передаче потомкам сказанного учителем. Анонимный автор «Байсёрон» не ставил перед собой такую задачу и, возможно, оснастил идеи Мусо Сосэки собственной риторикой.

Литература

Байсёрон (Трактат о сливе и сосне) // Библиотека по истории Японии. Байсёрон, Мэйтоку-ки, Оэй-ки, Эйкё-ки. — Токио: 1912. Т. 6. 『梅松論』 (1912) 黒川真道編 『日本歴史文庫 (6) 梅松論, 明德記, 応永記, 永享記』 集文館.

⁸ Заметим, что Мусо и его учитель Ишань считаются как раз наиболее ревностными приверженцами и пропагандистами неоконфуцианства. См.: Радуль-Затуловский, 2010, с. 243–245.

⁹ Подробнее см.: Muso Kokushi, 1964, с. 250.

Буддизм в Японии / Под ред. Т.П. Григорьевой. — М.: 1993.

Кабанов А.М. Формирование системы «годзан» («пяти монастырей») и бюрократизация дзэн-буддизма // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. — М.: 1987.

Muso Kokushi. Reflections upon the Enmity between the Emperor Go-Daigo and the Shogun Ashikaga Takauji // Sources of Japanese Tradition compiled by R. Tsunoda. — N.Y.: 1964.

Нагата Х. История философской мысли Японии. — М.: 1991.

Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. — М.: 2010.

Сэнсом Дж.Б. Япония: краткая история культуры. — СПб.: 1999.

Тёрнбулл С. Путь самурая: война и религия. — М.: 2010.

Явата Кадзую. Боги и будды, в которых верили полководцы. — Токио: 2007. 八幡和郎 (2007)『武将が信じた神々と佛』青春新書.

Summary

F.V. Kubasov

On Relations between Zen and the Political Power in Muromachi Period (1336–1477)

This article is concentrated on the relations of Muso Soseki (1275–1351), one of the most prominent Zen priests of Muromachi period (1336–1477), with Ashikaga Takauji (1305–1358), the first Shogun of Ashikaga clan, Shoguns' brother Ashikaga Tadayoshi (1306–1352) and the Emperor Go-Daigo (1288–1339). It is the attempt to analyze the regards of Muso Soseki on Takauji and Go-Daigo, placed in such source as “Baishoron” (“The tractate on Plum and Pine”) where we can see how confucianised the political thought of Zen Buddhists was. The fragment of “Baishoron” is compared with the fragment of “Muso Kokushi goroku” (“The Analects of Muso Kokushi”) where he reflects about the origins of enmity between Takauji and Go-Daigo. The fact that Zen has spread all over Japan because of the Shogunate's protection is rather well-known but the translated fragment is very illustrious example of it.

Key words: Buddhism, Zen, Zen and the Political Power in Muromachi Period, Muso Soseki.